

**ЛЕГЕНДЫ ОБ УЧАСТИИ НОВГОРОДЦЕВ
В КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ И ПРУССКО-ПЛОТНИЦКОЙ
КРЫЛО «МОСКОВСКОЙ ПАРТИИ» НОВГОРОДА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.**

Вопрос об участии новгородского войска в Куликовской битве уже долгое время является предметом обсуждения. Большинство исследователей, основываясь в первую очередь на умолчании летописных источников, отвечает на него отрицательно.¹ В то же время В. Н. Татищев прямо говорил о военной помощи новгородцев Дмитрию Донскому: «и новгородцы послаша, елико можаху собрати, и более обещахуся прислати...».ⁱⁱ Допускал такую возможность и А. А. Шахматов.ⁱⁱⁱ Особое внимание этой проблеме уделил в своих работах С. Н. Азбелев, который на основании привлечения «Сказания о Мамаевом побоище», а также других поздних источников (часть из которых была им впервые введена в научный оборот) пришел к выводу, что Новгород все-таки принимал участие в войне 1380 г.^{iv}

Рассмотрим эти источники.

Во-первых, это так называемый «Летописец о Дмитриевской церкви, что в Славкове», сохранившийся в рукописи первой четверти XIX в. В него входят сказание о построении церкви в 6889 (1381) г., а также известия 1696—1698 гг. о пожаре, в котором пострадал храм св. Дмитрия, и его восстановления. Текст заканчивается сообщением об освящении жертвенника храма митрополитом Иовом в 1699 г. «Летописец» был известен архимандриту Макарию, который сообщал, что его текст, списанный в начале XVIII в. и наклеенный «на дске», хранился в Дмитриевской церкви.^v С. Н. Азбелев датировал «Летописец» самым концом XVII в. (вероятнее всего, 1699 г. по дате самого позднего описанного в нем события — освящения жертвенника храма).^{vi} В сказании о построении церкви говорится, что храм был сооружен в Новгороде «по обещанию» великим князем Дмитрием Донским по благословению митрополита Пимена в 1381 г. после победы на Куликовом поле. При этом отмечалось, что придел благоверных Бориса и Глеба «на полатех» был возведен «понеже в победе явистася. А сей благоверный князь Дмитрий Иванович от корени и родства их». А по поводу другого придела — Усекновения честных главы Иоанна Предтечи — сказано, что великий князь построил его в честь «ангела отца своего, на поминование родителей своих в вечные роды».^{vii} В пользу поздней датировки сказания свидетельствует ряд фактических неточностей в его тексте. Так, Пимен, который якобы в 1381 г. благословил Дмитрия на построение храма, в действительности появился в Москве в качестве митрополита лишь в конце 1382 г. До этого же с мая 1381 г. на московской митрополичьей кафедре был Киприан.^{viii} Не является достоверной и по-книжному довольно «изящная» версия об адресности дмитриевских приделов.ⁱ Дело в том, что придел Усекновения главы

¹ Первое достоверное упоминание приделов церкви св. Дмитрия Солунского на Славкове содержится в «Семисоборной росписи», составленной, по мнению В. Л. Янина, между 1463—1508 гг. (Андреев В. Ф. Новый список «Семисоборной росписи» Новгорода // НИС. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 222; Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 108—109).

Иоанна Предтечи не мог быть посвящен отцу Дмитрия Донского великому князю Ивану Ивановичу Красному, поскольку, согласно версии В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова, основанной на анализе актовых печатей Ивана Ивановича, его небесным патроном был не Иоанн Предтеча, а Иоанн, патриарх Иерусалимский.^{ix}

Невзирая на позднюю датировку сказания о построении церкви св. Дмитрия Солунского, С. Н. Азбелев посчитал, что в основе его лежал исторический факт участия новгородцев в Куликовской битве, а само сказание отразило какие-то более ранние предания. По мнению исследователя, в пользу связи построения каменного храма св. Дмитрия Солунского² с победой на Куликовом поле свидетельствует также и текст первоначальной и краткой редакций Погодинской летописи 80—90-х гг. XVII в.:^x «Того же лета (6889. — Г. Д.) заложиша в Великом Новгороде новгородци по завету о победе на Мамай церковь каменную великомученника Дмитрия на Славкове улице и совершиша на другое лето».^{xi}

Еще один каменный новгородский храм, строительство которого в 1381 г. приписывается Дмитрию Донскому, что, по мнению С. Н. Азбелева, является прямым свидетельством об участии новгородцев в Куликовской битве, — это церковь Рождества Христова на Поле (на Кладбище).^{xii} Как сообщал архимандрит Макарий, согласно синодику этой церкви, переписанному в XVIII в. с какого-то более древнего документа, строителями указанного каменного храма являлись: великий князь Дмитрий Иванович Донской, а также некие Андрей, Геронтий, Константин, Вениамин, Кирилл, Трифон, Аркадий, Иосиф, Варлаам, Павел, Харитон, Онуфрий и Александр.^{xiii} С. Н. Азбелев отмечал, что в синодике, вероятно, перечислены оставшиеся в живых новгородцы, вернувшиеся с войны 1380 г.^{xiv}

Следующим новгородским источником, привлеченным С. Н. Азбелевым для обоснования своей гипотезы, является синодик церкви свв. Бориса и Глеба в Плотниках, опубликованный И. А. Шляпкиным.^{xv} В этом документе содержится поминание новгородцев, погибших во время военных действий, начиная с Невской битвы и заканчивая битвой при Руссе с войсками великого князя Василия Васильевича. Это обстоятельство позволило С. Н. Азбелеву ошибочно датировать указанное поминание временем около 1471 г.^{xvi} В. Л. Янин удревил датировку поминания до 1456 г., связав ее с действительной датой упомянутой здесь битвы при Руссе,^{xvii} хотя сам синодик в целом может быть отнесен, по И. А. Шляпкину, к 1552—1560 гг. (И. А. Шляпкин отмечал, что его отдельные части могли основываться на каких-то более ранних источниках^{xviii}). Для нас в этом документе важно то, что в поминании говорится о «на Дону избиненх братии нашей при велицем князе Дмитрее Ивановиче»,^{xix} что, по мнению В. Л. Янина, является «в высшей степени любопытным свидетельством участия новгородцев в Куликовской битве».^{xx}

Обобщая данные гипотезы С. Н. Азбелева по новгородским источникам, отметим следующие важные обстоятельства.

² Следует отметить, что деревянная церковь на этом месте существовала по крайней мере уже в середине XIII в.: первое летописное сообщение свидетельствует о том, что этот храм сгорел при пожаре в 1261 г. / (НПЛ. С. 311).

1. Все три документа являются достаточно поздними (XVI—XVII вв.), хотя источники их могли восходить к более раннему времени (до XV в.).

2. Все три документа связаны с церквями Плотницкого конца.

3. Не касаясь пока вопроса об участии новгородцев в Куликовской битве, отметим лишь, что версия о строительстве Дмитрием Ивановичем каменных церквей в Новгороде в начале 80-х гг. XIV в. не имеет под собой исторической основы. Во-первых, сложные и неустойчивые отношения великого князя с Новгородом, несмотря на союзную грамоту 1376 г.^{xxi} и успех посольства архиепископа Алексия 1380 г.,^{xxii} вылившиеся в конечном счете в открытый конфликт 1386 г.,^{xxiii} вряд ли могли подвигнуть Дмитрия Ивановича на строительство каменных церквей в этом городе. Во-вторых, сам факт каменного строительства на средства великого князя выглядит неправдоподобным еще и по той причине, что в это время дорогостоящие каменные церкви практически не строились даже в метрополии Дмитрия Донского.³ В-третьих, приписываемые Дмитрию Ивановичу храмы св. Дмитрия Солунского на Славкове и Рождества Христова на Поле, заложенные в 1381 г., очень хорошо вписываются в общую картину подъема каменного церковного строительства в Плотницком конце, приходящегося, по В. В. Седову, на 1377 (1369)—1386 гг. и связанного отнюдь не с внешними факторами, а с внутренними ресурсами этого быстро растущего и политически активного сравнительно «молодого» конца средневекового Новгорода.^{xxiv}

Перейдем к последнему источнику, который использовал С. Н. Азбелев в своей аргументации. Это так называемое «Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому» (далее — СПН), входящее в разные редакции «Сказания о Мамаевом побоище» (далее — СМП). В наиболее полном варианте оно представлено в распространенной редакции СМП, составленной не позднее начала XVII в.^{xxv} Здесь после вступления, говорящего в прошедшем времени о былом могуществе и самостоятельности Новгородской республики,⁴ следуют пять эпизодов: о приходе в Новгород купцов (Микулы ноугородца, Ивана Васильева Усатого и Дмитрия Ключова), сообщивших о нашествии Мамаю; о решении архиепископа Евфимия и посадников собрать вече, чтобы узнать мнение народа; о решении вече послать 40 000 воинов во главе с шестью воеводами (Иваном Васильевичем, сыном его посадником Андреем Ивановичем Волосатым, Фомой Михайловичем Красным, Дмитрием Михайловичем Завережским, Михаилом Панаольевичем, Юрием Захарьичем Хромым) на помощь великому князю Дмитрию Ивановичу; о сборе и выходе войска с Ярославова дворища; о прибытии новгородского войска в Коломну и встрече с великим князем.^{xxvi} На этом самостоятельный текст о

³ Борисов С. Н. Воздействие Куликовской битвы на русскую культуру кон. XIV—XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 130—131; Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII—XV вв. М., 1992. С. 130—145. Можно лишь упомянуть заложенные в 1379 г. Успенский собор Симонова монастыря и Успенский собор в Коломне (ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 129, 151).

⁴ «Тогда же бысть Великий Новгород самовластен, не бысть над ним государя <...> Ноугородци тогда владичи сами собой <...> Сами же ноугородци в велице славы живущи и много богатства купящи. Сами же пасомы быша Софеею Премудростью Божию и Варлаамом чудотворцем, бывшим игумном у святого Спаса на Хутыне, и архиепископ Великого Новгорода спискупствова Еуфимий» (Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 130—131).

новгородцах заканчивается, а далее они упоминаются в общем контексте — в эпизодах сбора войска; размещения войск перед битвой; при описании испуга князя Олега Рязанского, узнавшего о приходе новгородцев на помощь Дмитрию Ивановичу; при описании начала битвы; при перечне павших (30 или 13 посадников новгородских). Разбирая этот вариант текста, С. Н. Азбелев отмечал его фольклорный характер, сказавшийся, например, на привнесении в него личности архиепископа Евфимия (вместо действовавшего в то время Алексия), а также большом количестве посадников (от 13 до 30). В то же время он указывал на то, что число предводителей новгородского войска (6) соответствовало историческим реалиям второй половины XIV в.^{xxvii}

Второй, генетически независимый вариант СПН, по мнению исследователя, представлен в группе списков основной редакции СМП. Здесь говорится о двух предводителях новгородского войска (посадниках Якове Ивановиче Зензине и Тимофее Костянтиновиче Микулине) и пришедших с ними 30 000 воинов.^{xxviii} С. Н. Азбелев считал, что в этом варианте упоминание двух посадников является поздним привнесением, отразившим, во-первых, забвение военной практики XIV в., а во-вторых, позднейшим пониманием (на основе реалий конца XV в.) термина «посадник». Эта версия сказания нашла свое отражение также в Забелинской летописи, составленной около 1680—1681 гг.^{xxix}

И наконец, последний вариант СПН (вариант 4, по С. Н. Азбелеву), опубликованный С. Шамбинаго, исследователь считал отражением наиболее ранней версии, устный оригинал которой был записан немного позднее середины XV в. (может быть, еще до падения новгородской независимости). В этом варианте говорится о 13 безымянных посадниках, возглавлявших тринадцатитысячное новгородское войско.^{xxx}

Рассмотрев все версии СПН, показав их фольклорную основу и предположив, что устные варианты СПН могут восходить ко второй половине XV в., исследователь попытался выявить историческую подоснову этого литературного сюжета.

Его версия может быть сведена к следующим положениям.

1. Новгородский отряд (вероятно, небольшой по численности) действительно участвовал в Куликовской битве. Основанием для такого участия послужил договор 1376 г. великого князя с Новгородом, предусматривавший военный союз против Литвы.^{xxxi} Поскольку в войне 1380 г. принимали участие и войска Ягайлы, то новгородцы должны были выполнить свои союзнические обязательства по отношению к Москве. Правда, помощь Новгороду была ограниченной, поскольку его основные воинские силы оставались в Новгородской земле, готовясь к отражению возможной литовской агрессии.^{xxxii} Новгородский же отряд в составе войска Дмитрия, вероятно всего, использовался в качестве заслона от ожидаемого удара отряда Ягайлы (отсюда и расположение новгородцев на правом фланге). Но поскольку Ягайла так и не вступил в боевые действия, то новгородцы приняли участие в сражении с Мамаем.

2. После окончания сражения новгородский отряд с добычей возвращался в Новгород не через Москву, а вдоль литовской границы, проходившей

тогда недалеко от Тулы, через Калугу, вблизи Ржева и севернее Торопца. Здесь новгородцы подверглись нападению литовцев, в результате чего лишились всей своей военной добычи. Остатки отряда возвратились в Новгород, и известия об этом поражении попали к немцам от непосредственных участников событий, что и отразилось в немецких хрониках Детмара и Иоганна фон Позильге, получивших информацию от участников ганзейского съезда 1381 г. Поражение небольшого новгородского отряда не явилось достаточно существенным эпизодом для отражения его в официальных летописях, особенно в контексте общерусской победы на Куликовом поле.^{xxxiii}

3. К заложенным в 1381 г. в Новгороде храмам св. Дмитрия Солунского на Славкове и Рождества Христова на Поле Дмитрий Иванович действительно мог быть причастен (в благодарность за участие новгородцев в войне 1380 г.), или же они были построены самими новгородцами — участниками боевых действий.^{xxxiv}

4. Можно идентифицировать некоторых предводителей новгородского войска (по пространной редакции СМП):

а) Иван Васильевич — боярин Иван Васильевич Машков (упоминается в 1366—1399 гг.);

б) посадник Андрей Иванович Волосатый (сын Ивана Васильевича) — посадник первой четверти XV в., упоминаемый в летописях и актах с 1401 по 1421 г., а также в берестяной грамоте № 310. Не исключено, что его можно отождествить и со степенным посадником Андреем Ивановичем, занимавшим степень в 1434—1435 гг.

Из прочих персонажей пространной редакции СМП предположительно идентифицируется Юрий Захарьин, который упомянут в документе начала XV в. как один из послухов при покупке Карельского наволока.^{xxxv} Ни один из прочих персонажей СПН идентификации не поддается.^{xxxvi}

5. Общий вывод, который С. Н. Азбелев делает из рассмотрения СПН, сводится к тому, что это сказание, основанное на историческом факте, было порождено стремлением отстоять престиж Великого Новгорода перед Москвой в период его независимости. После утраты независимости СПН поддерживалось воспоминанием о ней и существованием локальных преданий о новгородцах — участниках событий 1380 г.^{xxxvii}

Проанализируем основные положения концепции С. Н. Азбелева.

1. Если говорить о самом факте участия новгородцев в Куликовской битве, то по-прежнему основным аргументом против этого остается дружное умолчание летописных источников (за исключением поздних новгородских летописей XVII в., которые, видимо, черпали информацию по этому вопросу из устных преданий, а также из СМП). Поэтому, несмотря на достаточно стройную концепцию исследователя, связанную с «литовским фронтом» войны 1380 г., она все-таки не имеет достаточных аргументов для объяснения такого умолчания. Безусловно, после вступления Ягайлы в союз с Мамаем Новгород, связанный союзническими обязательствами договора 1376 г., должен был как-то отреагировать на возможную литовскую агрессию, но, скорее всего, Москве было достаточно и того, чтобы новгородцы держали военные силы наготове на своей территории, тем самым создавая потенциальную угрозу Литве. Да и сам антилитовский союз Новгорода и

Москвы был не таким уж устойчивым, о чем свидетельствует хотя бы прием, оказанный новгородцами в 1379 г. двоюродному брату Ягайлы князю Юрию Наримантовичу, что безусловно осложнило новгородско-московские отношения и, вероятно, явилось одной из основных причин визита в Москву архиепископа Алексия для их урегулирования.^{xxxviii} Не стоит забывать и «проблему ушкуйников», которая, продолжая существовать как до, так и после Куликовской битвы,^{xxxix} отнюдь не являлась свидетельством лояльности Новгорода по отношению к великому князю. Все это делает маловероятным военную помощь новгородцев Дмитрию Ивановичу на Куликовом поле. Скорее всего, Новгород, обезопасив свою литовскую границу, занял выжидательную позицию, традиционно надеясь в московско-ордынском конфликте на свою отдаленность от театра боевых действий. О том, как была «официально оформлена» такая позиция, в какой-то степени могут свидетельствовать слова «Задонщины», где новгородцы сетуют: «Уже нам, братие, на пособие великому князю Дмитрию Ивановичу не поспеть».^{xl}

Если говорить о сообщениях немецких хроник, на которые ссылается С. Н. Азбелев, где смешиваются победы над татарами Дмитрия Ивановича на Дону в 1380 г. и Ольгерда у Синих Вод в 1363 г., а также содержится откровенный антимосковский выпад относительно ограбления литовцами русских после битвы,^{xli} то, скорее всего, это свидетельствует о каком-то тенденциозном литовском источнике информации. В крайнем случае, можно допустить и не менее тенденциозный новгородский источник, дающий как бы «взгляд со стороны» на войну 1380 г. и отражающий неоднозначное и в большей степени негативное отношение Новгорода к великому князю Дмитрию Ивановичу, а не воспоминания неудачливого новгородского ветерана Куликовской битвы.

2. Обратимся теперь к персонажам, фигурирующим в качестве руководителей новгородского отряда в СПН.

Иван Васильевич Машков, которого С. Н. Азбелев отождествляет с первым из новгородских воевод, являлся потомком тысяцкого Машка (Матвея), упомянутого в договорной грамоте 1301 г. Новгорода с Любеком, Готским берегом и Ригой.^{xlii} Известны акты печати этого тысяцкого.^{xliii} Упоминается «Машко з детми» и среди талшиков в договорной грамоте тверского великого князя Михаила Ярославича с Новгородом о мире, датируемой 1317 г.^{xliiv}

Известен и сын Машка — Даниил Машкович (Матвеевич), который в 1333 г. участвовал в посольстве архиепископа Василия к великому князю Ивану Даниловичу.^{xliv}

Не исключено, что еще один сын Машка, «Софронъ Мошкинъ», упомянут в берестяной грамоте № 417 среди новгородцев, ходивших за данью в Заволочье. Грамота была найдена в напластованиях первой трети XIV в. на усадьбе Ильиной улицы, принадлежавшей в это время двинскому наместнику Феликсу.^{xlvi}

Сын Даниила Машковича, Василий Данилович, вместе со своим сыном Иваном Васильевичем в 1366 г., возвращаясь с Двины, был захвачен великокняжескими боярами в Вологде и отпущен лишь через год после заключения мирного договора Новгорода с великим князем Дмитрием Ивановичем.

Поводом для этого инцидента послужило «размирье» в результате похода новгородских ушкуйников на Волгу.^{xlvii} В 1378 г. Василий Данилович вместе с другими уличанами Ильиной улицы заказал Феодану Греку роспись храма Спаса на Ильине,^{xlviii} а в 1399 г. его сын Иван Васильевич построил каменную церковь св. Алексия человека Божия на Торгу у святой Богородицы.^{xlix}

Таким образом, Машковы, проживая на Ильине улице, являлись боярами Славенского конца и были связаны с Двинскими землями.

Центральной фигурой в построениях С. Н. Азбелева является упомянутый в СПН посадник Андрей Иванович (Волосатый), которого он считает сыном Ивана Васильевича Машкова и отождествляет с известным посадником первой четверти XV в. Прототип героя СПН, Андрей Иванович,⁵ будучи прусско-плотничьим боярином,¹ являлся представителем в посадничестве от Плотничьего конца с 1415 по крайней мере до 1421 г.,ⁱⁱ причём с февраля 1415 по февраль 1416 г. он был степенным посадником.ⁱⁱⁱ

Впервые в НПЛ он упоминается под 1401 г., когда великокняжеский отряд напал на Двинские земли. В числе захваченных в плен были Андрей Иванович, а также двинские посадники Есиф Филиппович и Наум Иванович. Пленные были освобождены после битвы при Холмогорах, когда новгородцы во главе со Степаном и Михаилом Ивановичами⁶ и Михаилом Голвной разбили москвичей и примкнувших к ним «переветников».ⁱⁱⁱⁱ

В датируемой 1411 г. мировой грамоте Ивана Кочерина и Ганса Вреде упоминаются «добрые люди <...> бояре и послы Великого Новгорода» Василий Игнатьевич и Андрей Иванович.^{lv} Есть все основания для отождествления последнего с интересующим нас персонажем.^{lv}

В том же году Андрей Иванович являлся, наряду с другими двенадцатью новгородскими боярами (среди которых были и три посадника), одним из воевод новгородского войска, ходившего на шведов.^{lvi}

В 1415 г., будучи уже степенным посадником, он вводит в дом св. Софии новоизбранного архиепископа Симеона.^{lvii}

Не исключено, что с деятельностью этого плотничьего посадника может быть связано построение каменного храма ап. Андрея на Щитной улице в 1417 г.^{lviii}

И наконец, в 1421 г. против него «за Климентия Ортемына, про землю» встают жители Неревского и Славенского концов.^{lix} И. Беляев связывал с успехом этого восстания последовавшее за ним избрание на владычную кафедру Феодосия Клопского — игумена самого «промосковского» из всех новгородских монастырей,^{lx} а Л. А. Дмитриев считал, что причина восстания («про землю») может быть соотнесена с тем, что «бедный Клопский монастырь» вынужден был сталкиваться с крупными боярами-землевладельцами.⁷

⁵ Его прозвище «Волосатый» по СПН не отражено ни в одном из других письменных источников.

⁶ Можно предположить, что упомянутые здесь Наум, Михаил и Степан Ивановичи могли быть братьями Андрея Ивановича.

⁷ Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 32—35. Интересно сопоставить посадника Андрея Ивановича, конфликтующего с «промосковским» Клопским монастырем, и героя СПН, возглавляющего новгородское войско, идущее на помощь великому князю московскому.

Одними из инициаторов выступления были, вероятно, неревские бояре Онцифоровичи,^{lxi} которые, по мнению А. Г. Боброва, «вместе с представителями Славенского конца и Клопского монастыря (с маячившей за их спиной Москвой) выступили союзниками в событиях 1421 г. и добились успеха, хотя и временного».^{lxii} О связях Онцифоровичей с Клопским монастырем свидетельствует упоминание в клопском синодике представителей этого рода,^{lxiii} а об их активной роли в указанных событиях — адресованная посаднику Андрею Ивановичу берестяная грамота № 310, обнаруженная на Неревском раскопе в напластованиях 10—20-х гг. XV в. (1409—1422 гг.) усадьбы И, которой в то время владел Михаил Юрьевич из рода Онцифоровичей. Грамота представляет собой жалобу крестьян волости Илова Удомельского погоста Бежецкой пятины. По мнению В. Л. Янина, эту грамоту на усадьбу Михаила Юрьевича принесли неревляне после разграбления двора Андрея Ивановича.^{lxiv}

Из сказанного выше видно, что Андрей Иванович был довольно заметной фигурой в жизни Новгорода первой трети XV в. Однако связь этого персонажа с кланом Машковых, в частности с Иваном Васильевичем, выглядит сомнительной, поскольку летописное известие 1378 г. однозначно указывает на то, что Машковы, в отличие от Андрея Ивановича, являлись славенскими боярами (см. выше). И хотя в то же время Андрея Ивановича и Машковых сближает связь с Двинскими землями, тем не менее плотницкий посадник, видимо, происходил из какого-то другого боярского рода.

Вообще, рассматривая героев СПН, не следует забывать, что в основе этого источника лежат какие-то фольклорные предания. Поэтому фигурирующие в нем персонажи могут обладать многими признаками действующих лиц из произведений такого рода (вспомним хотя бы упоминающегося здесь архиепископа Евфимия). Следовательно, не исключено, что прототипы кого-то из предводителей новгородского отряда СПН могут оказаться и среди исторических деятелей совершенно другого времени. Не исключено, что с Иваном Васильевичем СПН могут быть сопоставлены и два его двойных тезки из среды посадников первой половины XV в. или даже посадник 70-х гг. XV в.^{lxv} Здесь важно другое. Единственный исторический деятель — современник Куликовской битвы, который мог оказаться прототипом одного из главных действующих лиц СПН, — являлся известным плотницким посадником.

Сопоставление указанного факта с некоторыми выводами, изложенными ранее, показывает, что *все источники, свидетельствующие об участии новгородцев в Куликовской битве, так или иначе связаны с Плотницким концом Новгорода*. При этом следует еще раз подчеркнуть, что все они являются достаточно поздними: самым ранним можно считать поминальник из синодика Борисоглебской церкви (конец 50-х гг. XV в.), прочие же оформились в первоначальном виде еще позднее. С первого взгляда может показаться, что данный территориально привязанный комплекс источников может свидетельствовать о том, что какой-то отряд новгородцев действительно принимал участие в войне 1380 г., причем ядром этого отряда (в том числе и его воеводами) являлись жители Плотницкого конца. После боевых

действий они построили каменные (обетные?) церкви св. Дмитрия Солунского и Рождества Христова,⁸ а память о погибших отразилась в синодике церкви свв. Бориса и Глеба. Что же касается самой «сюжетной линии» похода, то она нашла свое (фольклорное) воплощение в СПН, вошедшем как составная часть в СМП.

Однако если придерживаться более правдоподобной версии о том, что никакого похода в действительности, скорее всего, не было (см. выше), то получается, что в Плотницком конце Новгорода значительно позднее событий 1380 г. (широко — во второй половине XV в., а более вероятно — ближе к его концу) оформляются устные и письменные свидетельства, в различной форме повествующие не только об этом «походе» новгородцев, но и говорящие об участии и даже главенствующей роли в нем представителей Плотницкого конца.

С одной стороны, формирование этих сюжетов должно было происходить при наличии условий, объективно способствующих их распространению, что делает целесообразным выделение в истории последних лет республиканского Новгорода периодов, когда такие благоприятные условия могли присутствовать.

С другой стороны, все это можно расценивать как спланированную идеологическую акцию, подразумевающую доказательство исторически сложившейся лояльности жителей Плотницкого конца (или его отдельных представителей) к Москве, причем решение вопроса о сужении хронологических рамок указанной акции и о персонификации ее возможных заказчиков связано с определением того, когда и кто был заинтересован в том, чтобы отрывочные и легендарные сведения о помощи новгородцев Дмитрию Донскому были собраны и соответствующим образом оформлены.

Первая из предлагаемых версий связана с одной из самых заметных фигур в новгородской истории второй половины XV в. — архиепископом св. Ионой Отенским (1458—1470 гг.), известным своей миролюбивой политикой по отношению к Москве.⁹ Не говоря уже о политических мероприятиях, направленных на поддержание стабильных новгородско-московских отношений, можно упомянуть и такие его промосковские идеологические акции, как введение почитания в Новгороде св. Сергия Радонежского и построение в его честь храма на Владычном дворе,¹⁰ заказ Пахомию Сербу написания жития св. Михаила Клопского,¹⁰ связанного своим происхожде-

⁸ Кстати, нелишне отметить совпадение числа воевод новгородского отряда по версии варианта 4 СПН и числа основателей церкви Рождества Христова (не считая великого князя) по синодику — и там и здесь их 13 человек. Любопытно, что в числе ктиторов указанной церкви сразу после Дмитрия Донского в синодике фигурирует некий Андрей.

⁹ Недаром житие св. Ионы начинается со встречи отрока Иоанна (будущего Ионы) с самым «промосковским» из всех новгородских святых, Михаилом Клопским, который предсказал ему то, что он станет новгородским архиепископом (Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Дмитрия Ростовского. М., 1905. С. 96; ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 493).

¹⁰ Судя по житию св. Ионы Отенского, Пахомий Серб отказался выполнить этот заказ владыки, однако, по версии В. Л. Янина, первоначальный текст жития св. Михаила Клопского мог возникнуть не в 1478—1479 гг., как считает большинство исследователей, а в первые годы после его смерти и Яжелбицкого договора 1456 г. (Янин В. Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 61), т. е. тогда, когда св. Иона уже занимал владычную кафедру (с 1458 г.).

нием с московским княжеским родом,^{lxvii} и т. д. В этом аспекте заслуживает внимания и перестройка в 1462 г. на старой основе храма св. Дмитрия Солунского на Славковой улице,^{lxviii} особенно учитывая возможность одновременного бытования легенды о связи данной церкви с Дмитрием Донским или с новгородцами — «участниками» Куликовской битвы, а также рассматривая это событие в контексте вводимого тогда же в Новгороде культа св. Сергия Радонежского. Следует еще раз напомнить, что единственный документ из рассмотренного выше комплекса, имеющий фактологическую базу для датировки, поминальник из синодика храма свв. Бориса и Глеба в Плотниках, мог быть составлен вскоре после битвы при Старой Руссе, т. е. также, вполне вероятно, уже во время архиепископа Ионы.

В этой связи можно упомянуть и зафиксированные летописями небесные знамения, предшествующие Шелонской битве и приходящиеся на последний год жизни владыки.

Первые два из них, представленные в записях Воскресенской и Новгородской третьей летописей, имеют «общеновгородский адрес»:

«пришедше некогда буря велика и сломи крест со святыя София»;

«и паки на дву гробех¹¹ кровь явися».^{lxix}

Следующее уже «ближе» к Плотницкому концу:^{lxx}

«по сем же паки и у святого Спаса на Хутыне Корсунские колоколы сами о себе звон испушаху».¹²

И наконец, последние два знамения имеют уже явный «плотницкий адрес»:

«в церкви святей Еуфимии, от иконы святей Богородицы течаху слезы»;^{lxxi}

«на Микитине улице, в церкви от иконы святого Николы образа течаху слезы».^{lxxii}

Было и еще одно явление в Плотницком конце, которое Д. С. Лихачев считал равнозначным вышеперечисленным знамениям:^{lxxiii}

«того же лета на Федорове улице, из тополя воды капало много от верха и с сучья».^{lxxiv}

Однако вряд ли это событие можно ставить в один ряд с другими знамениями. Во-первых, оно в Новгородской четвертой летописи, в отличие, например, от мироточенья в церкви св. Еуфимии, таковым не названо, а во-вторых, при сравнении его с традиционными знамениями (в том числе и небесными: появлением комет, солнечными и лунными затмениями и т. д.) видно, что оно не выглядит как нечто сакральное, а скорее может характеризоваться как редкое природное явление.

Итак, как видим, зафиксированные в летописях знамения, свидетельствующие о грядущем поражении новгородцев на Шелони, опять-таки концентрируются преимущественно в Плотницком конце.¹³

¹¹ Архиепископов Симсона и Мартирия — по версии НШЛ (ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 241).

¹² Указанное знамение следует рассматривать, сообразуясь с тем, что, по версии А. Г. Боброва, Хутынский монастырь, наряду с Деревяницким и Лисицким, являлся так называемым «владычным», т. е. обителью, подчинившейся архиепископской кафедре напрямую, без посредства архимандрита и стоявшего за ним веча (Бобров А. Г. Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 53—54), что свидетельствует об очевидной прямой связи данного монастыря с владыкой св. Ионой.

¹³ Здесь следует обратить внимание на одно обстоятельство. Только в продолжениях Стросовского и Синодального списков Новгородской четвертой летописи представлены все

Получается, что заметная часть промосковских идеологических акций времени архиепископа св. Ионы Отенского так или иначе связана с Плотницким концом, что делает вероятным и оформление в этот же период «плотницких новгородско-куликовских сюжетов».

Следует отметить, что имелись определенные обстоятельства, которые могли обусловить особое отношение владыки к данному району города. Место, где жили в Новгороде рано умершие родители св. Ионы, неизвестно, а с семилетнего возраста он воспитывался в доме Натальи, матери Якова Дмитриевича Медоварцева.^{13xv} Яков Дмитриевич был боярином Людина конца^{13xvi} и, следовательно, входил в прусско-плотницкую группировку,¹⁴ что делает вероятной его связь с Плотницким концом. Не исключено, что это повлияло и на будущего владыку, выросшего в семье Медоварцева. Яков Дмитриевич был родоначальником двух боярских родов: Федоровых и Тучиных,^{13xvii} промосковски настроенные представители которых активно проявляли себя в последние годы новгородской независимости (см. ниже), а один из его потомков,¹⁵ Михаил Медоварцев, уже после боярских выводов в первой трети XVI в. являлся одним из самых известных книжных мастеров Москвы.¹⁶

Таким образом, можно сформулировать первую версию появления, точнее, организованного (?) оформления, свидетельств об «участии» новгородцев в Куликовской битве. Это могла быть одна из промосковских идеологических акций времени архиепископа св. Ионы Отенского, проведенная параллельно (или даже в рамках) введения в Новгороде культа св. Сергия Радонежского.^{13xviii} Что же касается «плотницкого адреса» данной акции, то он может быть, с одной стороны, связан с личными пристрастиями владыки, воспитанного в доме одного из прусско-плотницких бояр, а с другой — с оп-

значения, имсющие «плотницкий адрес» (в том числе и знамские в церкви св. Никиты, а также рассказ о тополях с Федоровской улицы, не отмеченные в других летописях), а «общегородские» знамения не отмечены. Однако при этом в указанных списках в статьях 6977 (1469) и 6978 (1470) гг. наблюдается явное пристрастие к событиям, происходившим именно в Плотницком конце. Так, например, довольно насыщенный событиями 1469 г. (ср. летопись Авраамки (ПСРЛ. М., 2000. Т. 16. С. 222—224): поездка архиепископа Ионы в Псков, пожар на Щерковой улице, высокая вода в Волхов и т. д.) отмечен лишь тем, что «начаша тополци садити на Славковс улице» (НПВЛ — ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 446). Что же касается следующего, 1470 г., то и эта статья насыщена «плотницкой» информацией: кроме знамений в монастыре св. Еуфимии и церкви св. Никиты, а также упоминания о капающей с тополси на Федоровской улице воде только здесь говорится о мощении мостовых в Плотницком конце и о строительстве гридницы на Славковой улице. Не просматривается ли здесь отрывок из какого-то местного, плотницкого, летописца (например, церкви св. Дмитрия Солунского на Славкове)? Кстати, данный отрывок мог означать собой имевший место в 1470 г. переход летописания «от владыки в руки новгородского магистрата» (см.: *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 229).

¹⁴ По В. Л. Янину, эта группировка объединяла бояр Людина, Плотницкого и Загородского концов (*Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. М., 1991. С. 78).

¹⁵ Но, скорее всего, не сын (*Синицына Н. В.* Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 313—314), так как это сомнительно из чисто хронологических соображений, поскольку Яков Дмитриевич Медоварцев впервые упоминается в НИЛ уже под 1408 г. (НИЛ. С. 400; *Янин В. Л.* Генсология боярских родов Великого Новгорода. Ч. 1: Прусско-плотницкая группа // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1994. Вып. 4. С. 44).

¹⁶ Он работал при монастыре Николая Старого и был связан с Максимом Грском и Василием Патрикеевым (Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 109—113).

ределенной позицией указанной боярской группировки в этот период.¹⁷ К сожалению, последний тезис не более чем предположение, так как письменные источники не содержат никакой информации на этот счет.

Однако предложенная версия не может являться единственно возможной, поскольку она исключает из рассмотрения самый острый период конца истории независимого Новгорода, когда наиболее активно проявляли себя сторонники как московской, так и литовской ориентации, и который также создавал благоприятную почву для идеологических акций сторонников Москвы. В этой связи следует попытаться среди приверженцев так называемой московской партии найти тех представителей прусско-плотницкого боярства, которые могли быть заинтересованы именно в такой форме выражения своей лояльности по отношению к великому князю. Следует подчеркнуть, что вслед за В. Л. Яниным под представителями «московской партии» мы подразумеваем не сторонников Московского централизованного государства, которых среди новгородских землевладельцев в силу объективных причин быть не могло, а приверженцев разумного компромисса с Москвой, которые, реалистически оценивая неблагоприятную для республиканского Новгорода ситуацию, сложившуюся к началу 1470-х гг., признавали наилучшим способом самозащиты политику ограниченных уступок великому князю.^{lxxxix} Именно с такой смысловой нагрузкой и будут в дальнейшем в тексте использоваться термины: «сторонники великого князя», «промосковски настроенные бояре», «сторонники Москвы» (или «московской партии») и т. п.

Так называемую московскую партию или «приятных» великому князю бояр В. Н. Бернадский идентифицировал на основании: а) крестного целования 18 января 1478 г.;^{lxxx} б) перехода отдельных бояр на сторону Москвы во время похода Ивана III на Новгород в 1477 г.;^{lxxxv} в) событий, связанных с неудавшимся государственным переворотом в феврале—мае 1477 г.^{lxxxvi}

К «приятным» великому князю, по В. Н. Бернадскому, могут быть отнесены:^{lxxxvii}

1. неревские бояре:
 - Василий Александрович Казимир и его брат Яков Александрович Короб,
 - Федор Лукич Телятев;
2. представители прусско-плотницкой боярской группировки:
 - Захария Григорьевич Овин и его брат Кузьма Григорьевич, а также сын Захарии Иван,
 - Михаил Семенович Берденев,
 - Родион Норов,
 - братья Лука и Яков Федоровы,
 - Фефилат Захарьин,
 - Григорий Михайлович Тучин;
3. славенские бояре:
 - Василий и Никита Есиповы,
 - Василий и Лука Исаковичи Полинарьины;

¹⁷ Нельзя исключить и возможность бытования «куликовских легенд» именно в этом районе города.

4. бояре неясной территориальной принадлежности:

- владычный боярин Василий Никифорович Пенков и его сын Иван,
- Иван и Лука Климентьевы.¹⁸

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении данного списка, — это явное количественное преобладание прусско-плотницких бояр среди сторонников компромисса с Москвой, что само по себе может свидетельствовать о неслучайном характере связи с Плотницким концом промосковских идеологических акций. Однако, приступая непосредственно к анализу персоналий, следует сразу оговорить условный характер состава «московской» и «литовской» партий для Новгорода 70-х гг. XV в., поскольку, как совершенно справедливо указывал В. Н. Бернадский, несмотря на острую борьбу сторонников литовской и московской ориентаций, большая часть боярства проявляла заметную неустойчивость и постоянно «переметывалась» от одной «партии» к другой.^{lxxxiv} Учитывая это, надо сразу подчеркнуть несостоятельность попытки интерпретации какого-либо района или конца Новгорода как однозначного «гнезда-рассадника» сторонников или противников Москвы. В действительности все было гораздо сложнее. Так, например, в Неревском или Плотницком концах были как сторонники, так и противники Москвы, причем и количественный и качественный состав представителей той или иной ориентации со временем менялся.

Рассмотрим, как проявляли себя представители прусско-плотницкого крыла «московской» партии на различных этапах последних лет истории республиканского Новгорода.

1. Время архиепископа св. Ионы Отенского (1458—1470 гг.).

В 1463 г. посадник *Захария Григорьевич Овин* принимал участие в мирном посольстве владыки в Москву.^{lxxxv}

2. Шелонская битва (1471 г.).

Среди захваченных в плен руководителей новгородского войска упоминаются *Кузьма Григорьевич (брат Овина)* и *Яков Федоров*.^{lxxxvi} И хотя они не были казнены вместе с главными противниками великого князя, а отправлены в заточение в Коломну и вскоре освобождены по просьбе архиепископа Феофила,^{lxxxvii} тем не менее на данном этапе указанные бояре никак не могут быть отнесены к числу сторонников компромисса с Москвой. Однако, если принять гипотезу В. Н. Бернадского о том, что в это время Иван III старался создать среди влиятельных новгородских феодалов группу своих союзников,^{lxxxviii} можно предположить, что милость великого князя к *Кузьме Григорьевичу* и *Якову Федорову*, сравнительно быстро отпустившего их вместе с другими пленными новгородскими боярами (среди которых был и еще один будущий «промосковский персонаж», неревский боярин Василий Казимир), может свидетельствовать о том, что уже тогда он видел в них своих потенциальных сторонников (в отличие от казненных вскоре после битвы Дмитрия Борецкого, Василия Губы Селезнева и др.).

¹⁸ Принадлежность бояр к кончанско-территориальным группировкам дается по работам: Янин В. Л. 1) Новгородские посадники. М., 1962; 2) Новгородская феодаловая вотчина. М., 1981; 3) Новгородские акты XII—XV вв.; 4) Генсалогиа боярских родов Великого Новгорода. Ч. 1.

При заключении Коростынского договора после Шелонской битвы в составе новгородской делегации упомянуты два прусско-плотницких боярина из будущей «московской партии». Это посадники *Фефилат Захарьин* и *Лука Федоров*.¹⁹

3. «Мирный поход» Ивана III и «Городищенское стояние» (конец 1475—начало 1476 г.).

Все члены «московской партии» из прусско-плотницкой группировки участвовали во встрече поезда великого князя.¹⁹ Однако в этих встречах принимали участие практически все представители знатных новгородских боярских родов, поэтому данную акцию нельзя рассматривать как свидетельство той или иной политической ориентации.

Зато другое событие — суд над налетчиками на Славкову и Никитину улицы 24—25 ноября 1475 г., похоже, более четко показывает политические пристрастия интересующих нас персонажей. Вообще, данное судебное разбирательство, а также дело о наезде на усадьбу славенских бояр Полинарьиных и последовавшие за этим карательные санкции большинство исследователей расценивает как акции, четко ориентированные против верхушки новгородской «литовской партии». Более того, Л. В. Черепнин и И. В. Лепко считали, что вся эта кампания была заранее организована и спровоцирована Москвой.²⁰

И если само судебное разбирательство и результаты его в политическом плане в целом не вызывают сомнений, то об изначальной причине, послужившей поводом для расправы со сторонниками «литовской партии», т. е. самого «наезда» на Славкову и Никитину улицы, лишь немногие исследователи высказывались достаточно определенно. Здесь можно упомянуть С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова и А. Е. Преснякова, которые вполне обоснованно предполагали, что данный «наезд» был одним из эпизодов борьбы между «московской» и «литовской» партиями и направлен он был (наряду с нападением на двор бояр Полинарьиных) против новгородских сторонников великого князя.²¹ Если принять за основу данную гипотезу, то мы имеем «территориально-кончанский адрес» какой-то группы сторонников Москвы, т. е. Славкову и Никитину улицы опять-таки Плотницкого конца.

Более того, 24 ноября 1475 г. во время подачи жалобы старостами этих улиц на дворе великого князя на Городище наряду с владыкой Феофилом также находились посадники *Захария Григорьевич Овин* и его брат *Кузьма Григорьевич*, *Лука* и *Яков Федоровы*, а также Василий Казимир и Яков Короб, т. е. ключевые фигуры «московской партии». Именно к ним великий князь обратился с просьбой дать приставов «на тех силиников».²² Вряд ли можно согласиться с мнением Ю. Г. Алексеева, что архиепископу и посадникам в этом деле отводилась «скромная роль статистов».²³ Вероятнее всего, появление жалобщиков с двух плотницких улиц не случайно совпало с приходом к великому князю именно перечисленных выше прomosковски

¹⁹ 15 ноября — Яков Федоров и Фефилат Захарьин; 16 ноября — Григорий Тучин и Лука Федоров; 17 ноября — Захария Григорьевич Овин, Кузьма Григорьевич, Иван Захарьевич, Михаил Семсенович Берденев; 18 ноября — Родион Норов (ПСРЛ. М., 2001. Т. 6, вып. 2. С. 241—243).

настроенных бояр. Можно предположить, что они в этом деле являлись лицами заинтересованными и, прикрываясь славковскими и никитинскими уличанами, стремились руками великого князя расправиться со своими политическими противниками.

Показательно, что в первую очередь здесь фигурируют прусско-плотницкие персонажи, а присутствие их политических союзников с Неревского конца (Василия Казимира и Якова Короба) лишний раз свидетельствует о смешанном кончанско-территориальном составе сторонников великого князя, что, впрочем, можно сказать и о его противниках.²⁰

Не были едины в своих политических пристрастиях и жители соседних улиц, о чем свидетельствует участие в «наезде» на двор бояр Полинарьиных Панфила — старосты располагавшейся между Славковой и Никитиной Федоровской улицы.^{xciv}

И тем не менее, несмотря на «чересполосицу» и перемешанность сторонников и противников компромисса с великим князем, вполне очевидно, что ключевую роль в «деле Славковой и Никитиной улиц» сыграли прусско-плотницкие бояре, в частности *Захария* и *Кузьма Григорьевичи*, а также *Яков* и *Лука Федоровы*. В результате судебного разбирательства были высланы в Москву четверо бояр, участвовавших в нападении на плотницкие улицы (Василий Ананьин, Богдан Есипов, Федор Борецкий, Иван Лошинский), а также не участвовавшие в этом «наезде» Иван Офоновос с сыном Олферием, которых Иван III прямо обвинил в том, что они «мыслили датися за короля».^{xcv} Прочие же «налетчики» были сначала отданы на поруки архиепископу Феофилу, а потом освобождены с обязательством выплаты ущерба жителям пострадавших улиц, а также штрафа в пользу великого князя.^{xcvi} Здесь можно согласиться с мнением В. Н. Бернадского, что Иван III даже среди некоторых участников этого «наезда» все еще искал своих потенциальных союзников.^{xcvii} Таковыми, например, и оказались прусско-плотницкий боярин *Григорий Тучин*, который в дальнейшем одним из первых открыто стал на сторону Москвы, а также владычный боярин Василий Никифорович Пенков, позднее (в начале 1477 г.) принявший участие в неудавшемся государственном перевороте (см. ниже).

После судебного разбирательства последовала серия пиров, причем среди принимавших великого князя представлены и *Захария Григорьевич Овин*, и *Кузьма Григорьевич*, и *братья Федоровы*, и другие представители «московской партии».^{xcviii} В. Н. Бернадский считал, что именно тогда часть новгородских бояр связала себя крестным целованием и грамотой с Иваном III.^{xcix} Несмотря на спорность этого утверждения,^c тем не менее можно предположить, что во время «мирного похода» и «Городищенского стояния» оформилась и окрепла «московская партия» новгородского боярства, одну из ведущих ролей в которой играли представители прусско-плотницкой группировки, что и проявилось в последующих событиях февраля—мая 1477 г.

²⁰ Среди арестованных по этому делу бояр были представители и Неревского конца (Федор Исакович Борецкий, Иван Лошинский, Матфей и Яков Селезневые), и Славнского (степенной посадник Василий Ананьин), и прусско-плотницкой группировки (Богдан Есипов, Григорий Тучин, «Офимьины дети Есипова Горошкова и сына се Ивана») (ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. С. 246).

4. «Дело о государстве» или попытка государственного переворота (февраль—май 1477 г.).

Так называемое дело о государстве связано с новгородским посольством в Москву, участники которого (подвойский Назарий и вечевой дьяк Захария) именовали Ивана III государем, а следовательно, признавали его верховную власть над Новгородом. По мнению В. Н. Бернадского, посылка «о государстве» не только не была оформлена решением веча, но вряд ли даже была обсуждена на совете господ. Он видит в этом попытку неудавшегося государственного переворота, инициаторами которого были «приятные» великому князю бояре, т. е. представители «московской партии».²¹ Новгородскому посольству предшествовала поездка в Москву *Захарии Григорьевича Овина*,²¹ и, по мнению исследователя, эти события были взаимосвязаны.²¹ Однако на вече, состоявшемся после возвращения посольства из Москвы, все действия новгородских послов были дезавуированы, и начались гонения на заговорщиков, в результате чего сначала (по оговору *Захарии Овина*) был казнен также побывавший в Москве Василий Никифорович Пенков, а затем убиты и сам *Захария Григорьевич Овин вместе с братом Кузьмой Григорьевичем*. Пострадали при этом также *Лука Федоров, Фефилат Захарьин и сын Кузьмы Григорьевича*.²¹ «Прочие посадники, которые приятны великому князю, те все разбежася из Великого Новагорода». Таким образом, сторонники компромисса с Москвой на этом этапе были разгромлены. Как видим, среди заговорщиков, упомянутых в письменных источниках, представлены почти исключительно прусско-плотницкие бояре.²¹

5. Поход Ивана III на Новгород (конец 1477—начало 1478 г.).

Среди бояр и житых, приехавших к великому князю еще до подхода его войск к Новгороду и «бивших челом в службу», наряду с Лукой и Иваном Климентьевыми,²¹ а также сыном убитого на вече Василия Пенкова Иваном,²¹ упоминается и прусско-плотницкий посадник *Григорий Михайлович Тучин*, встретивший Ивана III 26 октября 1477 г. в Волочке.²¹ Арестованный по «делу Славковой и Никитиной улиц», а затем отпущенный, этот боярин теперь одним из первых поспешил продемонстрировать свою лояльность по отношению к Москве.

Во время многодневных переговоров с великим князем активно проявили себя прусско-плотницкие бояре, входившие, по В. Н. Бернадскому, в «московскую партию». В состав делегации на этих переговорах постоянно входили владыка Феофил, неревский посадник Яков Александрович Короб, славенский боярин Лука Исакович Полинарин, а также прусско-плотницкие посадники *Фефилат Захарьин, Лука и Яков Федоровы*.²² Кроме них в делегации были также представлены и житьи, в том числе и один из бывших «жалобщиков», староста Никитиной улицы *Григорий Киприанович Арзубьев*.²¹ Но следует подчеркнуть, что бояре «московской партии» во время этих переговоров дружно выступали за «новгородскую старину»: за неприкосновенность боярских вотчин, против выводов, за суд «по старине», отмену

²¹ Территориально-кончанская принадлежность Василия Никифоровича Пенкова неясна.

²² Характерно, что все бояре, входившие в состав делегации, отнесены В. Н. Бернадским к «московской партии» (см. выше).

«позвов» и т. д. И это вполне объяснимо, поскольку, будучи крупными землевладельцами, входящими в правящую верхушку Новгорода, вряд ли они были способны на такие уступки великому князю, которые привели бы к потере как основы их материального благосостояния — вотчин, так и политического положения в новгородской иерархической структуре. Как известно, кончилось все это тем, что свой политический вес новгородское боярство утратило после упразднения веча и республиканской структуры управления Новгородом, но на какое-то время оно было частично нейтрализовано обещаниями неприкосновенности вотчин и отсутствия выводов в Низовские земли. Компромисс с новой властью нашел свое отражение в хорошо известном эпизоде крестоцелования 18 января 1478 г., который, собственно, и позволил В. Н. Бернадскому очертить рамки «московской партии».^{cx}

Следует упомянуть еще одно событие. Это «поимание» 6 февраля 1478 г. старосты Никитиной улицы *Григория Арзубьева* и высылка его в Москву вместе с такими одиозными противниками Ивана III, как, например, Марфа Борецкая.^{cx1} Сын казненного после Шелонской битвы *Киприана Арзубьева*,^{cxii} *Григорий*, проявлял себя скорее как сторонник компромисса с Москвой, являясь одной из основных фигур (жалобщиком в качестве никитинского уличанского старосты) в «деле Славковой и Никитиной улиц».^{cxiii} В дальнейшем он входил в состав новгородской делегации на переговорах с великим князем в конце 1477—начале 1478 г. Однако все это не помешало его аресту в числе основных противников Москвы,²³ что лишний раз подчеркивает зыбкость и изменчивость состава «московской партии», когда отдельные персонажи в разное время проявляли себя с прямо противоположных политических позиций (как, например, *Григорий Тучин* — см. выше).

б. Время выводов и конфискации.

Во время так называемого Славенского стояния великого князя в конце 1479—начале 1480 г., равно как и в течение 1478—1479 гг., представители «московской партии», судя по письменным источникам, ничем особенным себя не проявляли. Неизвестно наверняка, был ли кто-нибудь из них среди арестованных по «делу владыки Феофила». Однако не исключено, что к данному «делу» могли быть причастны неревские бояре Василий Казимир и Яков Короб, а также прусско-плотницкие *Михаил Берденев* и *Яков Федоров*, которые до этого были исключительно лояльны по отношению к Москве и обязались службой великому князю. Более того, *Михаил Берденев* вместе с Василием Казимиром и Александром Самсоновым был направлен воеводой на помощь Пскову против немцев в 1481 г.^{cxiv} Однако, несмотря на все прошлые заслуги, земли четырех вышеперечисленных персонажей из «московской партии» были конфискованы великим князем вскоре после этого похода.

В остальном, вероятно, справедливо предположение В. Н. Бернадского, что «приятных» Ивану III новгородских бояр в течение нескольких лет не трогали. И тем не менее мало кто из них смог сохранить свой статус и ос-

²³ Не исключено, что поводом здесь послужила позиция Григория Арзубьева во время переговоров с представителями великого князя.

таться в Новгороде после массовых выводов и конфискации 1484—1489 гг.,^{схv} которые практически свели на нет новгородское боярство.^{схvi} Судя по данным В. Л. Янина, дольше всех из прусско-плотницких бояр удалось «продержаться» *Григорию Михайловичу Тучину*, который служил в Новгороде и после боярских выводов, принимая участие в заключении международных договоров 1487^{схvii} и 1493^{схviii} гг. Будучи в конце концов все-таки сведенным, он (равно как и его сын Михаил) в дальнейшем получил от великого князя земли в поместье на территории бывших новгородских владений.^{схix}

Надо думать, что сравнительно легко отделались и *Овиновы*.²⁴ Они были также сведены (вероятно, все-таки одними из последних) в Низовские земли, но не репрессированы и, вероятно, наделены поместьями. Об этом можно судить по тому, что в 1512 г. Настасья, вдова *Ивана Захарьинича Овинова*, внесла вклад в Троице-Сергиев монастырь по покойному муже.^{схxx}

Таким образом, из известных представителей прусско-плотницкого боярства в «московской партии» до 1481 г. в Новгороде оставались *Михаил Берденев* и *Яков Федоров*. *Григорий Тучин* не был сведен до начала 90-х гг., да и судьба *Овиновых*, несмотря на вывод (в 1484 г.?), сложилась относительно благополучно. Видится вполне вероятным, что именно после событий конца 1477—начала 1478 г., когда республика была окончательно присоединена к Великому княжеству Московскому, не подвергавшиеся репрессиям оставшиеся в Новгороде и присягнувшие Ивану III бояре, понимавшие, что для них единственной возможностью удержаться в своем (по крайней мере имущественном) статусе является служба великому князю, сопряженная с разного рода проявлениями лояльности по отношению к Москве, могли быть заинтересованы в оформлении «исторических свидетельств», доказывающих, что промосковские настроения издавна были присущи еще и их предкам. По-видимому, среди последних прусско-плотницких бояр «московской партии», т. е. среди *Тучиных*, *Овиновых*, *Берденевых* или *Федоровых*, и можно искать лиц, связанных с оформлением «новгородско-куликовских» сюжетов. Наиболее перспективным видится здесь самый «приятный» великому князю в 80—90-е гг. род *Тучиных*, восходящий к Якову Дмитриевичу Медоварцеву, который являлся современником плотницкого посадника Андрея Ивановича (Волосатого?), упомянутого в СПН, и мог быть связан с ним какими-то родственными отношениями. Кстати, еще одним аргументом в пользу такого сопоставления является связь *Андрея Ивановича* и *Тучиных* с Двинскими землями.^{схxxi}

Обобщая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

1. Представители прусско-плотницкого боярства Новгорода в 70-е гг. XV в. играли одну из ведущих ролей среди сторонников компромисса с Москвой.
2. Свидетельствами этого являются нашедшие свое отражение в письменных источниках как политические, так и идеологические «промосков-

²⁴ Под Овиновыми мы подразумеваем потомков Захарии Григорьевича Овина и его брата Кузьмы Григорьевича.

ские» акции, в большинстве случаев территориально тяготеющие к Плотницкому концу.

3. Одной из акций такого рода является оформление свидетельств об «участии» новгородцев в Куликовской битве, причем связь источников этого круга с Плотницким концом очевидна. Все это могло произойти или во время архиепископа св. Ионы Отенского (в рамках введения им в Новгороде культа св. Сергия Радонежского?), или же позднее, особенно после падения новгородской независимости, когда «приятные» великому князю прусско-плотницкие боярские роды *Тучиных*, *Овиновых*, *Берденевых* и *Федоровых* искали возможностей сотрудничества с московской администрацией. Вероятно, среди представителей этих родов (в первую очередь *Тучиных*) и могли быть лица, заинтересованные в существовании (и оформлении?) «плотницких новгородско-куликовских» сюжетов.

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Т. 5. Примеч. 65; Соловьев С. М. Об отношении Новгорода к великим князьям. М., 1845. С. 121, 191; Иловайский Д. Куликовская битва Дмитрия Ивановича Донского. М., 1880. С. 58; Пресняков А. Е. Образование Великолукского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918. С. 321; Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. М., 1953. Т. 2. С. 223; Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве. М.; Л., 1959. С. 325—376; Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М., 1961. С. 252; Скрынников Р. Г. Куликовская битва: Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 49 и т. д.

¹¹ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 3 // Собр. соч. М., 1996. Т. 5—6. С. 141, 145.

¹² Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамасовом побоище // Отчет о 12-м присуждении Императорской Академией наук премии митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910. С. 175.

¹³ Азбелев С. Н. 1) Новгородские местные летописцы // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15; 2) Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971; 3) Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому // Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13; 4) О сходных тенденциях в архитектуре Новгорода и устном эпосе Новгородской земли XV в. // Культура средневековой Руси. Л., 1974.

^v Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 311—312.

^{vi} Азбелев С. Н. Новгородские местные летописцы. С. 364—366.

^{vii} Там же. С. 367—368.

^{viii} Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1997. Т. 2, 1-я половина тома. С. 250—251.

^{ix} Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1998. Т. 3. С. 69—70.

^x Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 83.

^{xi} Азбелев С. Н. Младшие летописцы. С. 115.

^{xii} Азбелев С. Н. Сказание о помощи... С. 95.

^{xiii} Макарий. Археологическое описание... Ч. 1. С. 558—559.

^{xiv} Азбелев С. Н. Сказание о помощи... С. 95.

^{xv} Шляпкин М. А. Синодик 1552—1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви // Сб. Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911. Вып. 5.

^{xvi} Азбелев С. Н. Сказание о помощи... С. 96

^{xvii} Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 92.

^{xviii} Шляпкин М. А. Синодик... С. 1.

^{xix} Там же. С. 7.

^{xx} Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба... С. 91, примеч. 45.

^{xxi} ГВНП. № 16. С. 31; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. М., 1991. С. 170—171.

- xxii НПЛ. С. 376.
 xxiii НПЛ. С. 380—381.
 xxiv *Седов В. В.* Заказчики новгородской каменной архитектуры 2-й пол. XIV—нач. XV вв. (в печати).
 xxv *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 375.
 xxvi *Азбелев С. Н.* Сказание о помощи... С. 78—80.
 xxvii Там же. С. 81—83.
 xxviii Русские повести XV—XVI вв. Л., 1958. С. 28.
 xxix *Азбелев С. Н.* Сказание о помощи... С. 84—86.
 xxx Там же. С. 87.
 xxxi ГВНП. № 16. С. 31.
 xxxii *Азбелев С. Н.* Сказание о помощи... С. 89—91.
 xxxiii Там же. С. 93—95.
 xxxiv Там же. С. 96.
 xxxv ГВНП. № 128. С. 155.
 xxxvi *Азбелев С. Н.* Сказание о помощи... С. 91—93.
 xxxvii Там же. С. 102.
 xxxviii НПЛ. С. 375; *Скрынников Р. Г.* Куликовская битва... С. 49.
 xxxix См., например: *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля... С. 36—51.
 xl Повести о Куликовской битве. М.; Л., 1959. С. 10.
 xli *Азбелев С. Н.* Сказание о помощи... С. 93—95.
 xlii ГВНП. № 34. С. 63.
 xliii *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 2. С. 201, № 594; *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати... Т. 3. С. 102.
 xliv ГВНП. № 11; *Янин В. Л.* Новгородские акты... С. 155—161.
 xlv НПЛ. С. 345; известна и печать Даниила Машковича: *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати... Т. 3. С. 209, № 84 а.
 xlvi *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1962—1976 гг. М., 1978. С. 22—24; *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М., 1998. С. 208—209.
 xlvii ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 293—294.
 xlviii ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 231.
 xlix ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 283.
 1 *Янин В. Л.* 1) Новгородские посадники. М., 1962. С. 245, 377; 2) Новгородские акты... С. 46.
 2 *Янин В. Л.* Новгородские посадники... С. 377.
 3 *Янин В. Л.* Новгородские акты... С. 39.
 4 *Янин В. Л.* Новгородские акты... С. 396.
 liv ГВНП. № 51. С. 89.
 lv *Янин В. Л.* Новгородские акты... С. 99—100.
 lvi НПЛ. С. 402.
 lvii НПЛ. С. 405.
 lviii НПЛ. С. 407.
 lix ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 431.
 lx *Беляев И.* Рассказы из русской истории. Кн. 2. История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. М., 1866. С. 461.
 lxi *Янин В. Л.* Новгородские посадники... С. 257—258.
 lxii *Бобров А. Г.* Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 63.
 lxiii *Янин В. Л.* Новгородская феодалная вотчина. М., 1981. С. 16.
 lxiv *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... С. 140—143.
 lxv *Янин В. Л.* Новгородские посадники... С. 379.
 lxvi ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 456.
 lxvii *Словарь книжников и книжности древней Руси.* Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 303.
 lxviii ПСРЛ. М., 2000. Т. 16. С. 210—211; Т. 4, ч. 1. С. 446.
 lxix *Воскресенская летопись // Русские летописи.* Рязань, 1998. Т. 3. С. 213; ПСРЛ. Т. 3. С. 241.
 lxx *Воскресенская летопись.* С. 213; ПСРЛ. Т. 3. С. 241.
 lxxi ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 446; *Воскресенская летопись.* С. 213; ПСРЛ. Т. 3. С. 241.
 lxxii ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 446.
 lxxiii *Лихачев Д. С.* Новгород Великий. М., 1959. С. 78.
 lxxiv ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 446.
 lxxv Там же. С. 492.
 lxxvi *Хорошев А. С.* Боярское строительство в новгородском Аркаже монастыре // Вестн. МГУ. Серия 9. История. М., 1966. № 2. С. 77—82; *Янин В. Л.* Генсалоги боярских родов Великого Новгорода. Ч. 1. Прусско-плотницкая группировка // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1994. С. 43—44.
 lxxvii *Янин В. Л.* Генсалогия боярских родов... С. 44.
 lxxviii ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 498.
 lxxix *Янин В. Л.* Новгородские посадники... С. 342.
 lxxx ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 282
 lxxxi ПСРЛ. М., 2001. Т. 6, вып. 2. С. 257—258.
 lxxxii Там же. С. 253.

- lxxxiii *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля... С. 297—299.
- lxxxiv Там же. С. 291.
- lxxxv ПСРЛ. Т. 16. С. 211.
- lxxxvi Воскресенская летопись. С. 221.
- lxxxvii Там же. С. 223.
- lxxxviii *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля... С. 286.
- lxxxix ГВНП. № 27. С. 45, 48.
- xc *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 864; *Ленко И. В.* Поход Ивана III «миром» в 1476 г. // Учен. зап. Лeningr. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1948. Т. 78. С. 146.
- xc¹ *Соловьев С. М.* История Российская с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3, т. 5. С. 22; *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-всечесового уклада. М., 1994. С. 132; *Пресняков А. Е.* Образование Великоорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. С. 436.
- xcii ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. С. 247.
- xciii *Алексеев Ю. Г.* Поход «миром» и Городищенское стояние 1475/76 гг. // НИС. СПб., 1993. Вып. 4 (14). С. 107.
- xciv ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. С. 246.
- xcv Там же. С. 248.
- xcvi Там же. С. 249.
- xcvii *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля... С. 297.
- xcviii ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. С. 249—250.
- xcix *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля... С. 297.
- c См., например: *Алексеев Ю. Г.* Поход «миром»... С. 112—113, примеч. 29.
- c¹ *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля... С. 298—299.
- cii ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. С. 252.
- ciii *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля... С. 298.
- civ ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. С. 253; Л., 1982. Т. 37. С. 94.
- cv ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. С. 18.
- cvi ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. С. 256.
- cvi Там же. С. 259.
- cviii Там же. С. 257.
- cix Там же. С. 261.
- cx *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля...
- cx¹ ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. С. 284.
- cxii Там же. С. 174.
- cxiii Там же. С. 243, 246.
- cxiv Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 78.
- cxv ПСРЛ. Т. 12. С. 215—216; Т. 6, вып. 2. С. 236; Т. 37. С. 95.
- cxvi *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля... С. 321.
- cxvii Договорная грамота Новгорода с ганзейскими городами о персмирии на 20 лет / *Казакова Н. А.* Русско-ганзейский договор 1487 г. // НИС. Новгород, 1962. Вып. 10. С. 226; *Янин В. Л.* Новгородские акты... С. 122—123.
- cxviii Договорная грамота Новгорода с Ливонским орденом о персмирии на 10 лет // АЗР. СПб., 1846. Т. 1. № 112; *Янин В. Л.* Новгородские акты... С. 123.
- cxix *Янин В. Л.* Генсеология боярских родов... С. 43.
- cx^x Там же. С. 41; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 44.
- cx^{xi} *Шурыгина А. П.* Новгородская боярская колонизация // Учен. зап. Лeningr. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1948. Т. 78. С. 45, 51.